

**Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России
С.В.Лаврова на открытой лекции по актуальным вопросам внешней
политики Российской Федерации, Москва, 20 октября 2014 года**

Уважаемый Вячеслав Алексеевич,

Дорогие друзья,

В первую очередь хочу поблагодарить вас за приглашение, на которое я с удовольствием откликнулся. В наших интересах как можно подробнее обсуждать с представителями различных политических сил и, прежде всего, с ведущей партией «Единая Россия» возникающие проблемы, напрямую затрагивающие жизнь россиян, планы развития страны, а также то, как будет развиваться ситуация в мире, каким будет мироустройство.

Во многом международная ситуация сегодня определяется тем, что мир переживает переходный период. Мы имеем дело не просто с началом очередного исторического этапа, но, судя по всему, со сменой эпох. Такие переломные моменты, как правило, характеризуются существенным повышением нестабильности и непредсказуемости в международных делах. Все это мы сегодня наблюдаем в отдельных регионах и в глобальном развитии в целом.

Одной из знаковых примет нашего времени является перераспределение, я бы сказал, рассредоточение глобального баланса сил. Наиболее наглядно иллюстрирует эту мысль усиление экономической мощи, за которой следует политическое влияние стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Они в значительной мере приняли на себя роль локомотива глобального экономического роста, который ранее традиционно исполняли США, Западная Европа и Япония. Как мы видим, наиболее крупных успехов добился Китай, который, в соответствии с последним докладом Международного валютного фонда в расчетах по приоритету и покупательной способности, впервые вышел на позицию первой экономики мира. В соответствии с выводами экспертов МВФ получается, что семь наиболее крупных так называемых «растущих экономик» мира, включая нашу страну, обошли по совокупному ВВП «семерку» промышленно развитых западных стран. Возникает принципиально новая картина мира,

которая не укладывается в устоявшееся за несколько столетий представление о доминировании Запада в мировой экономике, финансах и политике.

Катализатором перемен стал глобальный финансово-экономический кризис, который окончательно подвел черту под рассуждениями о всемирной победе либерально-капиталистической модели и императивной необходимости для всех под нее подстраиваться. «Конец истории», провозглашенный в начале 90-х, не состоялся. Стало очевидным, что современный этап международных отношений характеризуется конкуренцией, причем не только в экономике и финансах, но и ценностных ориентиров и моделей развития.

На этом фоне явственно проявились ограничители либеральной экономики, которая, освободившись после окончания «холодной войны» от значительной доли государственного контроля, генерировала масштабные кризисные проявления. Сегодня это отмечают ведущие западные финансисты. Например, директор МВФ К.Лагард говорит о необходимости отхода от ставшего причиной кризиса искаженного мышления, в котором прибыль ценится выше осмотрительности, погоня за эгоистичными интересами преобладает над служением общему делу, а излишества опрокидывают этику.

Формирование нового мира сопряжено и с другими многочисленными явлениями, которые делают картину международных отношений намного более сложной и многомерной, чем раньше. Резко возросло значение общих для всех трансграничных вызовов, таких как опасность распространения оружия массового уничтожения, международный терроризм, наркоторговля, организованная преступность, дефицит ресурсов и продовольствия, массовые эпидемии, незаконная миграция и многое другое. Процессы глобализации радикально усилили прозрачность национальных границ, способствовали разрушению замкнутых обществ, в которых ранее жило большинство человечества. Одной из форм реакции на это стало стремление народов к сохранению и укреплению своей культуры, религиозной и цивилизационной идентичности. Если же это стремление не признается законным и оправданным, возникают риски усиления международных трений, особенно на границах т.н. цивилизационных блоков, о чем предупреждал в свое время С.Хантингтон в своем «Столкновении цивилизаций».

Международная обстановка осложняется в связи с заметным расширением в последнее время конфликтных зон, которые возникают уже не только и не столько вследствие межгосударственных конфликтов, а всё чаще из-за обострения внутригосударственных кризисов, в том числе на межэтнической, межконфессиональной почве. Сейчас это наиболее наглядно проявляется на Ближнем Востоке и Севере Африки. Там, по сути, появилась опасность объединения в один взрывоопасный клубок кризисов, возникших в разное время в разных странах. Наблюдаемая нами масштабная дестабилизация региона уже негативно влияет на международную обстановку в целом. Всё это ведет к накоплению элементов хаоса и анархии в мировых делах,

размывает эффективность системы глобального управления, которая и без того находится далеко не в лучшем состоянии.

Масштаб вызовов, стоящих перед международным сообществом, однозначно требует объединения усилий, коллективной работы с целью согласования шагов, способных укрепить международную безопасность и стабильность. К сожалению, в противоречие с этой насущной и объективной необходимостью вступает стремление наших американских коллег и руководимого ими западного альянса в целом опираться на односторонние подходы, действовать с позиций превосходства, исключительности и доминирования. Поддавшись неоправданному чувству эйфории в связи с окончанием биполярного противостояния, США попытались реализовать концепцию однополярного мира, в рамках которого они имели бы возможность переформатировать ситуацию во всех регионах, в любых государствах в соответствии с собственными представлениями и интересами.

Ради продвижения этих подходов под вопрос были поставлены ключевые принципы Устава ООН, являющиеся несущей международно-правовой конструкцией современного мироустройства: суверенитет и территориальная целостность государств, невмешательство в их внутренние дела, мирное урегулирование споров. США и их союзники попытались присвоить себе право вмешиваться, причём порой довольно грубо, в происходящее в любой стране под лозунгом защиты прав человека и содействия продвижению демократических ценностей. Для этого используется широкий набор методов, включающих санкционное давление и даже силовые операции. Без резолюций Совета Безопасности ООН или в нарушение прописанного в них мандата были предприняты военные интервенции в Югославии, Ираке, Ливии. В последнее время Вашингтон открыто заявляет о своем праве использовать военную силу в одностороннем порядке повсюду в мире для отстаивания собственных интересов. В принятой в 2010 г. Доктрине национальной безопасности США прямо записано, что в случае необходимости и если того требуют их интересы, Вашингтон не обязательно будет действовать с опорой на решения Совета Безопасности ООН, в том числе в плане применения силы. Отработаны и активно используются технологии расшатывания внутренней стабильности в государствах, правительства которых по тем или иным причинам признаются неугодными, осуществлена целая серия так называемых «цветных революций» с целью смены режимов. Эта линия продолжается.

В подавляющем большинстве случаев такого рода вмешательство не только не способствует прекращению конфликтов, а, наоборот, усиливает страдания гражданского населения, способствует обострению вооруженного противостояния.

«Притчей во языцех» стала практика использования двойных стандартов в интересах реализации геополитических замыслов. Особое беспокойство вызывает отход от универсальных принципов противодействия терроризму

во всех его формах и проявлениях. Например, некоторые западные государства поддерживали и поставляли оружие экстремистским группировкам, участвовавшим в борьбе за свержение М.Каддафи. Впоследствии французской армии пришлось противостоять в соседней Мали тем же радикалам, которых Запад, включая Францию, поддерживал, вооружал и пестовал. Провозгласив лозунг свержения президента Сирии Б.Асада, Запад в течение почти четырёх лет закрывает глаза на укрепление позиций экстремистов в этой стране, что способствовало стремительному разрастанию угрозы со стороны террористической группировки, известной под названием «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ или «Исламское государство»), которая захватила значительные территории в Ираке и Сирии и управляет ими по законам шариата. Это широко освещается на телевидении, в других СМИ и Интернете.

Обстановка в Ираке, где американские войска находились более десяти лет, наглядно свидетельствует об абсурдности концепции искусственного насаждения извне рецептов государственного устройства и социально-экономического развития. Сегодня эта дружественная нам страна, из которой американцы собирались в свое время сделать образец модернизации и демократический пример для подражания всех других арабских народов, борется с глубочайшим внутривосточным кризисом, реально угрожающим ее существованию в качестве единого государства.

Россия оказывает последовательную поддержку правительствам Ирака, Сирии и других стран региона в их противостоянии рвущимся к власти религиозным экстремистам, в том числе путем масштабных поставок вооружений и военной техники, реально повышая их боеспособность. Мы выступаем за консолидацию международных усилий по противодействию общей для всех террористической угрозе. При этом наша страна не принимает участия в возглавляемой США международной коалиции. Убеждены, что антитеррористические усилия должны выстраиваться на прочной основе международного права под эгидой Совета Безопасности ООН как органа, несущего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Этим принципам не соответствует практика нанесения американцами авиаударов по позициям «Исламского государства» на сирийской территории без согласования с правительством Сирии. Как вы знаете, вместе с ударами по террористам на территории САР осуществляется вооружённая поддержка оппозиции, которая параллельно с «Исламским государством» борется с режимом Б.Асада, но считается американцами умеренной, а потому приемлемой. Ставится цель поддержать эту оппозицию таким образом, чтобы она обрела силы, необходимые для свержения режима в Сирии. Противоречивость и парадоксальность подобных действий, по-моему, очевидна. Мы обсуждаем это с американскими коллегами, пытаемся понять их логику, но внятных объяснений не получаем.

По нашему мнению, стремительная деградация обстановки на Ближнем Востоке требует комплексного анализа, в ходе которого необходимо

рассмотреть во взаимосвязи все наиболее острые проблемы, от которых страдает данный регион, включая арабо-израильский конфликт. Его по разным причинам пытаются отодвинуть на второй план, но неурегулированность этого спора в течение уже более семидесяти лет, по нашему глубокому убеждению, является одной из основных причин, позволяющих экстремистам вербовать в свои ряды всё новых сторонников, включая джихадистов, готовых на террористические акты, в том числе путём самоубийств. Мы выступаем за то, чтобы все эти факторы в комплексе были рассмотрены под эгидой Совета Безопасности ООН. Такая инициатива вызывает растущий интерес, по крайней мере, у тех стран, которые ответственно относятся к положению в регионе.

Замечу, что итоги присутствия международных сил содействия безопасности во главе с США в Афганистане также являются неудовлетворительными, хотя эта конкретная операция в целом была санкционирована Советом Безопасности ООН после того, как «Аль-Каида» совершила нападение на США 11 сентября 2001 г. Тем не менее, несмотря на наличие такого мандата, применённые для его исполнения методы привели к тому, что сегодня, когда международная коалиция собирается в конце 2014 г. выходить из Афганистана, эта страна далека от стабильности, остается источником распространения серьезных угроз, включая терроризм, который не исчез, и наркоугрозу, которая существенно возросла за годы пребывания коалиционных сил в ИРА и на территории соседей нашей страны, в том числе в Центральной Азии.

Это еще раз подтверждает, что проблемы современного мира, включая региональные конфликты, могут быть решены исключительно на основе комплексных подходов, предусматривающих активное вовлечение всех заинтересованных стран. Мы неизменно обращали на это внимание партнеров, в частности, в случае, когда Иран не позвали на Женевскую конференцию по сирийскому урегулированию, а на Парижскую конференцию по проблеме противодействия т.н. «Исламскому государству» не пригласили Иран и Сирию, хотя в данном случае они являются абсолютно объективными союзниками в борьбе против этой угрозы.

В том, что касается Афганистана, наши партнёры из НАТО в течение последних десяти лет упорно отказывались от предложений российской стороны установить рабочее взаимодействие с ОДКБ, несмотря на то, что это был бы естественный альянс. НАТО обеспечивает «костяк» сил, которые работают внутри Афганистана, а ОДКБ регулярно проводит антинаркотические и антитеррористические операции по внешнему периметру границ ИРА. Сопряжение этих усилий в режиме реального времени существенно повысило бы эффективность борьбы за стабилизацию Афганистана. Но НАТО по сугубо идеологическим соображениям категорически отказывалось от сотрудничества с ОДКБ. Разумеется, делу это не помогает.

Несмотря на радикальные изменения в мире, государства Запада не прекращают попыток «плыть против течения», стремятся удержать доминирующие позиции в мировых делах вопреки объективным процессам формирования многополярного мира. Такой курс оказал серьезное негативное воздействие на развитие ситуации в Европе. После разрушения Берлинской стены наши западные коллеги упустили исторический шанс, проигнорировав российские предложения взяться за совместное создание архитектуры равной и неделимой безопасности на евроатлантическом пространстве. Убеждён, что при наличии доброй воли такая задача вполне поддавалась бы решению, прежде всего, за счет укрепления соответствующих механизмов в рамках ОБСЕ, превращения её в настоящую международную организацию с сильными полномочиями. Вместо этого были осуществлены последовательные «волны» расширения НАТО на восток, передвижение инфраструктуры альянса к российским границам. Как отметил недавно бывший посол США в СССР Дж.Мэтлок, участники переговоров об окончании «холодной войны» понимали, что если продвигать такой инструмент, как НАТО, туда, где рушатся барьеры, то в Европе появятся новые барьеры. В последующие годы Россию пытались убеждать, что подобный курс не угрожает ее безопасности, и даже изображали обиду, когда мы настаивали, что в военно-политических вопросах потенциалы значат больше, чем намерения и заверения. В тот период были приняты политические декларации о необходимости создания единого евроатлантического пространства безопасности на уровне ОБСЕ и Совета Россия-НАТО. При этом наши предложения перевести эти политические декларации в форму юридически обязывающего договора о евробезопасности были категорически отведены. Среди аргументов «проскочил» (наверное, это оговорка по З.Фрейду) и такой – юридические гарантии безопасности может дать только НАТО. Тем самым сохранялся раздражитель в вопросах выравнивания безопасности для всех без исключения стран Евроатлантики. Теперь же мы слышим другие заявления и уже политические декларации о, по сути, забытой неделимости безопасности. В частности, Министр обороны США Ч.Хэйгл «обнаружил» на днях, что российская армия уже стоит «на пороге НАТО». Этот сюжет подробно и талантливо обсуждался в российских СМИ. Не буду подробно на этом останавливаться, скажу лишь, что руководство России предпринимало и продолжает предпринимать все необходимые меры для надёжной защиты безопасности страны. Что касается высказываний наших американских коллег, то, по-моему, они показывают, кто на деле подрывает доверие на европейском континенте, причём не только высказываниями, но, что самое главное, и конкретными делами.

Программа Европейского союза «Восточное партнерство» тоже была направлена на распространение на восток подконтрольного Западу геополитического пространства. Наверное, именно потому, что такова была истинная цель этого проекта, так и не материализовались обещания предложить нам проекты, в которых могли бы на трехсторонней основе

участвовать ЕС, так называемые «фокусные государства» и Россия. Страны СНГ пытались поставить перед жестким и абсолютно надуманным и искусственным выбором – либо с ЕС, либо с Россией. Именно применение такого подхода к Украине подтолкнуло эту страну, которая еще находится в начале пути в деле создания устойчивой государственности, к глубочайшему внутривластическому кризису. Напомню, что философия «либо с нами, либо против нас» проявилась не в прошлом году перед намечавшимся подписанием Соглашения об ассоциации Украины с ЕС, а еще в ходе выборов в этой стране 10 лет назад. Тогда в ходе президентских выборов В.Ф.Янукович соперничал с В.А.Ющенко и победил в двух турах. Потом Евросоюз навязал Украине через Конституционный суд абсолютно антиконституционное решение провести третий тур голосования, который не был предусмотрен основным законом государства. Ещё в тот период европейские политики, в частности бывший в то время министром иностранных дел Бельгии К.де Гюхт (ныне завершающий свою карьеру в качестве комиссара Евросоюза по торговле) публично заявлял, что Украина обязана сделать выбор, с кем она хочет быть: с Россией или с «просвещённой» Европой. Это не новое явление – оно давно глубоко сидит в головах европолитиков.

Достаточно показательно, что поводом к началу антиправительственных выступлений в Киеве было «выбрано» решение бывшего президента В.Ф.Януковича отложить подписание экономического блока Соглашения об ассоциации с Евросоюзом. Это решение по своим практическим последствиям означало ровно то же, что сегодня сделала уже проевропейская администрация в Киеве, договорившись с ЕС об отсрочке применения тех самых экономических статей соглашения почти на полтора года – до 1 января 2016 г. Конечно, это разумный шаг, но, по сути, наши партнёры признали, что сопряжение обязательств Киева перед соседями на Востоке и Западе, гармонизация экономических связей Украины с Таможенным союзом (то есть с СНГ, с одной стороны, и Евросоюзом, с другой стороны), вполне реально и даже необходимо для украинской экономики. Но пришли они к этому выводу почти на год позже, а могли бы сделать это, когда мы предлагали начать трёхсторонние консультации. Ценой этого «отложенного» решения стали тысячи жизней, разрушенная экономика и инфраструктура, гражданская война.

Поддержка со стороны США и ЕС антиконституционного государственного переворота на Украине и последующих действий «партии войны» в Киеве, пытавшейся силой заставить население Юго-Востока страны отказаться от своих прав на родной язык, культуру, традиции и привычный образ жизни, идет вразрез с общепринятыми демократическими ценностями и принципами мирного урегулирования конфликтов, в том числе зафиксированными в основополагающих документах ОБСЕ.

Действия прорвавшихся к власти в Киеве ультранационалистических, неонацистских сил стали причиной кровопролитий на «майдане». Радикалы

попытались терроризировать население Крыма, установить «бандеровские» порядки в Одессе, Мариуполе. Соглашение от 21 февраля с.г. было расторгнуто. В таких условиях совершенно естественным стало противодействие подобным замыслам со стороны подавляющего большинства крымчан, свободно выраженная ими воля к воссоединению с Россией в соответствии с зафиксированным в Уставе ООН правом народов на самоопределение.

После трагедий в Одессе, Мариуполе, обнаружения массовых захоронений под Донецком мы точно знаем, какая участь была уготована русским в Крыму. Расследовать все эти преступления, включая инцидент с малайзийским «Боингом», необходимо тщательно и под международным контролем. Мы этого добиваемся, потому что налицо попытки все без исключения случаи «замотать», «замести под ковер», отложить, оттянуть. Это наводит на конкретные вопросы, которые мы задаем, в том числе западным партнерам, так радеющим за права человека и европейские ценности.

Россия на всем протяжении украинского кризиса последовательно стремилась помочь братскому народу преодолеть этот тяжелый период в его истории. Как неоднократно подчеркивал Президент России В.В.Путин, то, что происходит сегодня на Украине, – наша огромная общая трагедия, и нужно сделать все, чтобы она прекратилась как можно быстрее. Еще 17 апреля с.г. в Женеве были согласованы принципы, открывшие путь к мирному разрешению конфликта на основе (как было записано в Заявлении России, США, Украины, ЕС) немедленного начала общенационального диалога с участием и при уважении прав и интересов всех регионов и всех политических сил страны. Этого сделано не было, много времени было упущено. После подписания Минских договоренностей вновь открылась перспектива политического урегулирования украинского кризиса. Как известно, на саммите АСЕМ 17 октября с.г. в Милане Президент России В.В.Путин в очередной раз подтвердил нашу поддержку всеобъемлющему и добросовестному выполнению Минских договоренностей каждой из заключивших их сторон при содействии России и ОБСЕ. Это касается процесса разъединения сторон, отвода тяжелых вооружений, организации мониторинга линии разъединения наблюдателями ОБСЕ, подготовки выборов на Юго-Востоке. Переговоры в Милане показали, что принципиально важно пресекать попытки исказить суть того, о чем условились в Минске руководители Украины и представители ополченцев.

Расчеты заставить Россию отступить от правды, справедливости, применяя угрозы, давление и санкции абсолютно иллюзорны. Объявленные США, ЕС и рядом других государств рестрикции – противоправны и не могут способствовать ни деэскалации конфликта, ни защите прав населения Украины. Эти шаги, осуществленные европейцами под жестким нажимом со стороны США, противоречат интересам самих государств Евросоюза, для которых Россия является одним из ведущих торгово-экономических

партнеров. Ущерб, который хотят нанести России (определенные негативные проявления мы испытываем), наносится и странам ЕС. Обратили на себя внимание сообщения о снижении темпов роста крупнейшей экономики Евросоюза – Германии. То, что последняя волна санкций утверждена Евросоюзом уже после достижения соглашения о прекращении огня на Украине, лишь подтверждает, что ситуация вокруг этой страны на деле используется Вашингтоном для навязывания своего так называемого лидерства на всем евроатлантическом пространстве в попытке заставить ЕС идти по пути, который многими в Евросоюзе не разделяется. Что бы Россия ни делала, эти попытки прекращаться не будут, поскольку главным для США является не достижение урегулирования на Украине, а использование ее как раздражителя в отношениях между Россией и Европой, как повод, чтобы попытаться поставить Россию на место. Подчеркну еще раз – эти попытки иллюзорны, и осознание этого проникает в умы более здравых политиков на Западе.

Экономические отношения России и США намного менее значимы, чем связи нашей страны с ЕС. Но от уровня российско-американского взаимодействия зависит продвижение в поиске развязок многих международных проблем. Американцы не могут не понимать, что иметь Россию в числе союзников по интересующим их проблемам – в их интересах. Даже собственные национальные интересы заставляют их искать пути взаимодействия с нами. Однако они пытаются это делать, сохраняя свои «санкционные замашки», заявляя, что по Украине они будут нас наказывать, а когда мы будем нужны, – взаимодействовать.

14 октября я встречался в Париже с Госсекретарем США Дж.Керри и объяснил, что мы всегда открыты к сотрудничеству, но не может быть выборочного подхода. Взаимодействовать надо честно, открыто и исключительно на основе равноправия, уважения интересов каждой страны, друг друга и интеллектуальной способности партнера. У американцев обычно бывает так: они сами придумывают концепцию решения проблемы (в Ираке, Афганистане, Йемене, где-то еще) и говорят всем: «Решение в Вашингтоне принято, давайте обеспечим международное сотрудничество на этой основе». Наше видение несколько отличается от американского не потому, что мы игнорируем их способность вырабатывать решения (хотя, теория проверяется практикой, а практика показывает, что куда бы американцы ни вмешивались, там наступает хаос и разруха), просто мы уверены, что только коллективная работа с самого начала – с совместного анализа проблемы, выработки оценок и подходов к решению соответствующих проблем – может принести успех и обеспечить устойчивость взаимодействию.

Убеждены, что раскручивание конфронтации в Евро-Атлантике – тупиковый путь. Попытки обеспечить безопасность и развитие Европы без России и против России бесперспективны, что доказано историей. Всякий раз, когда Европа пыталась объединиться на антироссийской основе, это заканчивалось

плохо для всего континента. В глобальном взаимозависимом мире фиксирование новых разделительных линий, обставление их разного рода визовыми и экономическими препонами – очевидный анахронизм. Хотел бы вспомнить слова Ф.М.Достоевского, написанные как будто вчера: «В Европе кричат о «русских захватах, русском коварстве», а сами крикуны отнюдь тому не верят, да и никогда не верили». Это очень похоже на то, что мы наблюдаем сегодня – в индивидуальных контактах с европейскими партнерами мы практически от каждого из них слышим заверение, что они все понимают, видят необходимость и хотят наладить сотрудничество с нами на общеприемлемой основе, учитывать наши законные интересы, помнят, как мы спасали Европу от попытки Наполеона подчинить себе весь континент, а в XX в. – от аналогичного замысла Гитлера, желающего командовать всеми европейцами. Но при этом они ссылаются на европейскую солидарность. Почему-то, когда они собираются вместе, разумные голоса заглушаются. Наверное, они звучат в закрытых дискуссиях, но публично мы слышим больше упертого антироссийского подхода, который навязывается русофобами внутри западного альянса. Это печально и недемократично. Если мы говорим об общеевропейской безопасности в той же ОБСЕ, эта организация должна иметь свой голос и смелость возвышать его, если уверена в своей правоте. Но несколько стран ЕС, причем далеко не самых крупных, все же находят в себе смелость заявлять такие позиции, за что их пытаются наказывать. Не думаю, что удастся полностью заглушить эти голоса, – наоборот, они будут множиться и звучать все громче.

Исходим из того, что разумной альтернативы выправлению отношений между Россией и ЕС, как и между Россией и США, не существует. Важно, чтобы это осознание пришло и с другой стороны и, самое главное, подкрепилось пониманием контрпродуктивности односторонних принудительных мер и необходимости исключительно равноправного диалога как основы для движения вперед.

По-прежнему выступаем за то, чтобы стратегической целью сотрудничества между Россией и Евросоюзом было поэтапное построение единого экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана при опоре на систему неделимой безопасности, в рамках которой никто не будет укреплять свою безопасность за счет других. Выступаем за налаживание взаимодействия между ЕС и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), который стартует с 1 января 2015 г., то есть за осуществление своего рода «конвергенции интеграций». Еще год назад Евросоюз даже слышать не хотел, чтобы интеграционная «тройка» Таможенного союза в каком-то виде вступала в контакты с Брюсселем. А сейчас они сами, в том числе и Еврокомиссия, говорят о необходимости налаживать связи с ЕАЭС – крупным проектом исторического значения, закладывающим основы современной модели экономического партнерства государств на пространстве СНГ на длительную перспективу. Как известно, в начале следующего года полноправным членом Союза станет Армения,

соответствующий договор подписан и начнёт проходить процедуру ратификации в России, Казахстане и Белоруссии. Продвигается работа по выполнению «дорожной карты» присоединения Киргизии. Уверен, что это в интересах и других наших соседей.

Создание ЕАЭС – совместный вклад не только в повышение эффективности и конкурентоспособности экономик входящих в него государств, но и в наращивание международной торговли и обеспечение условий для устойчивого развития прилегающих регионов. Полагаем, что наше объединение имеет все основания стать не только частью единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока, но и связующим звеном между интеграционными структурами Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона.

В последнее время мы немало сделали для развития партнерства с государствами АТР. В этой связи высказываются суждения, что под влиянием санкций, введенных США и ЕС, Россия переориентирует главный вектор развития своих внешних связей с Запада на Восток. Реальность состоит в том, что углубление сотрудничества с государствами АТР, в том числе в интересах ускоренного развития восточных регионов нашей страны, – давний постоянный приоритет многовекторной внешней политики России, закреплённой в соответствующей Концепции, одобренной Президентом России В.В.Путиным. Линия на развитие отношений с АТР и их интеграционными структурами в этом регионе будет реализована при любых колебаниях конъюнктуры на других географических направлениях. Безусловно, санкционные ограничения, конечно, служат импульсом для еще более активного наращивания отношений с партнерами на Востоке, но мы хотели бы делать это не вместо, а параллельно с нормальным продвижением традиционного взаимодействия с Западом.

Мы совершили значимый рывок в развитии стратегического партнерства с Китаем. Конкретные цифры и факты приводились в связи с недавним заседанием в Москве глав правительств России и Китая, в ходе которого было подписано порядка 40 документов. Это взаимодействие играет важную роль не только в плане укрепления отношений между нашими странами, содействия развитию экономик России и Китая, решения социальных проблем, укрепления гуманитарного сотрудничества между двумя народами, но и в повышении стабильности и устойчивости международных отношений. Это взаимодействие уже стало фактором международной жизни, роль которого постоянно повышается. Мы активно сотрудничаем с Китаем в ШОС, БРИКС и других многосторонних форматах, не говоря об СБ ООН.

Россия является сторонницей сетевой дипломатии, создания гибких объединений государств в соответствии с их совместными интересами. В этом контексте отмечу наше активное участие в рамках «Группы двадцати», саммит которой наша страна принимала в 2013 году. Успешным примером деятельности объединения с участием стран, расположенных на разных

континентах, является БРИКС. Итоги Форталезского саммита БРИКС, состоявшегося летом с.г. в Бразилии, показали, что это объединение является притягательной структурой, обретающей все больше единомышленников, в том числе в рамках «двадцатки». Вместе с такими странами как Индонезия, Мексика, Аргентина, Египет, Саудовская Аравия, мы настаиваем на выполнении принимавшихся четыре года назад решений об очередном этапе реформы МВФ, включая повышение доли квот и голосов стран БРИКС в управлении МВФ. Эти решения сейчас заматываются из-за нежелания Конгресса США их ратифицировать. Будем выступать за поиск путей выполнения договоренностей, независимо от законодательных уловок американских партнеров.

Внешнеполитическая доктрина России ориентирована на надежное обеспечение безопасности страны, укрепление ее позиций в современном мире. Мы являемся одним из влиятельных центров современной международной системы и выступаем за ее развитие именно на полицентричной основе с учетом объективных процессов, происходящих в мировой экономике и финансах, которые должны отражаться в мировой политике. Россия готова к последовательному наращиванию взаимовыгодных отношений со всеми государствами и их объединениями, проявляющими к этому интерес на равноправной и взаимовыгодной основе. Продвигаемый нашей страной курс на укрепление международной безопасности и стабильности, на утверждение справедливой демократической международной системы, отражающей географическое и цивилизационное многообразие современного мира, разделяется подавляющим большинством государств. Это способствует активному росту за последние годы темпов и объемов нашего сотрудничества с партнерами в Латинской Америке, Африке, на Ближнем и Среднем Востоке. Будем и далее укреплять эти отношения.

Проводим самостоятельный, независимый курс, продиктованный нашими национальными интересами и заинтересованностью в обеспечении большей управляемости мирового развития на фоне ускорения глобальных процессов и взаимозависимости.

В заключение хотел бы процитировать Президента России В.В.Путина, который сказал: «Я очень рассчитываю на то, что не только наша историческая память, но и историческая память всего человечества будет побуждать нас к поиску мирных решений любых конфликтов, которые так или иначе возникали, возникают и будут возникать в будущем. Мы сторонники политического диалога и поиска компромиссов». У нас действительно нет никаких ограничений в достижении договоренностей с партнерами, если вести дела взаимоуважительно, на равноправной основе, формируя баланс интересов, не пытаясь подтянуть нас на чью-то заранее сформированную платформу.

Вопрос: С учетом итогов последних переговоров с американскими партнерами, как бы Вы охарактеризовали состояние российско-американских отношений? Какова их динамика? Они находятся на взлете или стабилизировались на низкой точке? В ходе последней встречи с Госсекретарем США Дж.Керри шел ли разговор о санкциях?

С.В.Лавров: Всегда есть искушение найти какой-то образ или термин. Часто спрашивают, не наступила ли вторая «холодная война» или возвращение «старой холодной войны». Конечно, сейчас это не так. Еще в конце работы администрации Дж.Буша. на прошлом этапе российско-американских отношений политологи пытались изобрести термин «прохладный мир» в противовес «холодной войне». Оставим это историкам - наверное, кто-то когда-нибудь охарактеризует для учебников этот период емким и ярким термином. Правильнее задаваться вопросом, куда эти отношения идут. Они уже достаточно далеко и глубоко ушли вниз. Я очень надеюсь, что снижение уровня взаимодействия достигло дна. По крайней мере, пока движение идет без дальнейших спадов, но и без каких-либо видимых попыток приподнять эти отношения.

У нас есть регулярный диалог с Госсекретарем США Дж.Керри. Встреча на прошлой неделе была уже тринадцатой по счету в этом году. Так часто на уровне министров иностранных дел контактов ни с кем не происходит. В большинстве случаев инициатива исходила от американской стороны. На мой взгляд, это объясняется пониманием нашими партнерами (как минимум в Госдепартаменте) ненормальности ситуации, когда мы подвергаем рискам многие направления сотрудничества, очень важные не только для России и США, но и для всего человечества. Например, работа Президентской комиссии, созданной для подготовки предложений по конкретным проектам взаимодействия по двадцати с лишним направлениям, начиная от разоружения, борьбы с терроризмом, нераспространения оружия массового поражения и заканчивая гуманитарной сферой, образовательными обменами, диалогом гражданских обществ. К этому списку можно добавить сельское хозяйство, медицину, космос, ядерную энергетику. Всего было создано порядка 20 рабочих групп. На уровне руководителей соответствующих ведомств проводились ежегодные встречи, всё обобщалось в докладах, которые Госсекретарь и Министр иностранных дел направляли президентам наших стран. Деятельность этой структуры была просто прекращена американцами. Кто от этого страдает? Комиссией рассматривались конкретные программы и вопросы, требующие решения, в чем заинтересованы не только Москва и Вашингтон, но и многие другие страны, как например, борьба с инфекционными заболеваниями и эпидемиями.

Инициативные предложения использовать любые возможности для встречи на уровне руководителей внешнеполитических ведомств показывают, что понимание ненормальности сложившейся ситуации все-таки присутствует. Насколько это понимание выходит за пределы Госдепартамента, мне судить

трудно. Собственно говоря, даже в самом Госдепе далеко не все настроены на поиск равноправной основы для исправления нынешней ситуации.

На последней встрече с Дж.Керри мы подтвердили, что от взаимодействия наших стран по международным вопросам в мире многое зависит, и мы будем стремиться его продолжать. Мы свою позицию обозначили предельно четко: Россия не собирается вставать в позу обиженного, «стрелять себе в ногу» или подрывать реализацию задач, от которых зависит безопасность в мире, например, нераспространения ОМУ и многих других.

Я уже упоминал сегодня тему борьбы с терроризмом. Нас приглашают в коалицию. Мы объяснили Дж.Керри, что «прозрение» для многих наступило только сейчас, когда, наконец, они поняли, что «Исламское государство» – это угроза. Но когда эта группировка отпочковалась от «Аль-Каиды» и стала набирать силу, многие тогда закрывали глаза на эту опасность, потому что хотели использовать ее для борьбы с режимом Б.Асада. Теперь понятно, что целью этих людей является совсем не установление демократии в Сирии (именно в этих интересах ее хотели использовать), а создание на территории этого огромного региона халифата и правление исламским миром. Это абсолютно очевидно и продекларировано. Если экстремисты захватят ведущие позиции в исламе, то пострадают от этого, прежде всего, мусульмане, потому что первый противник «Исламского государства» - это умеренный, нормальный, правильный ислам, который не проповедует насилие в качестве основного метода утверждения своих позиций в мире. Мы не можем делать вид, что только сейчас это стало явным, так как мы давно поддерживаем Сирию, Ирак и другие страны региона, укрепляя их боеспособность в борьбе с террористами и экстремистами, вопреки тому, что делали американцы.

Если говорить о коалиции, то давайте ее сформируем, примем соответствующее решение в Совете Безопасности ООН, которое будет опираться на международное право. Подчинять борьбу с терроризмом геополитическим устремлениям и наказывать неудобные режимы неправильно и даже аморально, а самое главное – контрпродуктивно. Это опять приведет лишь к накоплению хаоса и беспорядка, созданию новых угроз для самого региона и стран, которые с ним соприкасаются, в том числе России, Средней Азии, Европы. Если мы хотим бороться с терроризмом, давайте это делать по-честному и на равноправной основе, давайте согласовывать общую стратегию, тем более, что для этого есть все механизмы, прежде всего ООН.

Когда практические шаги по решению антитеррористических задач выносятся за рамки Организации Объединенных Наций, то это невольно наводит на мысль, что подобные шаги изначально замышляются их авторами вне рамок международного прав. Иначе, почему им не получить одобрение в Совете Безопасности ООН?

Еще один пример. Уже не первый год наши американские партнеры настоятельно предлагают (кстати, Дж.Керри подтвердил это на встрече в Париже) возобновить переговоры о разоружении и договориться о дальнейших сокращениях стратегических наступательных вооружений. Я объяснил своему американскому коллеге, что вопросы безопасности, разоружения, стратегической стабильности мы готовы рассматривать исключительно в их взаимосвязи. Сейчас мы реализуем Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений 2010 г. Мы не раз заявляли, что это - крупнейший шаг за последние десятилетия в данной сфере, и что он должен быть реализован прежде, чем мы подумаем, что еще может быть сделано для укрепления стратегической стабильности. При всех обстоятельствах этот разговор может быть только комплексным, включая ПРО и проблемы, которые создаются в связи с реализуемой США программой т.н. «молниеносного глобального удара», что предполагает создание стратегических гиперзвуковых вооружений в неядерном оснащении (т.е. не несущее ядерной боеголовки, но по своей точности и скорости в военном отношении более эффективное, чем ядерное оружие). Это, конечно, гуманнее - не будет повторения Хиросимы и Нагасаки. Но для достижения геостратегических задач это будет гораздо более эффективное оружие, чем ядерная бомба со всеми ее антигуманными последствиями. К этому относятся и проблемы, связанные с планами США вывести оружие в космос.

Сейчас Соединенные Штаты – единственное государство, которое противится предложению России и Китая разработать проект договора о запрете вывода оружия в космос. Все остальные готовы начинать эту работу. Есть еще целый ряд других вещей, связанных с дисбалансами в обычных вооружениях, и т.д. Все это в совокупности было согласовано для вдумчивого, профессионального рассмотрения в рамках одной из рабочих групп Президентской комиссии, работу которой американцы заморозили. Теперь, остановив эту работу, нам предлагают, как будто ни в чем не бывало, начать разговор о дальнейшем сокращении ядерных вооружений. Это нечестно. Нас как будто принимают за каких-то наивных простачков.

В отношении договора о ракетах средней и меньшей дальности было послание Президента США Б.Обамы Президенту Российской Федерации В.В.Путину, в котором содержалось неподкрепленное утверждение, что мы один раз нарушили этот договор. Мы запросили детализацию. Нам предложили провести консультации, в ходе которых нам обещали предоставить конкретные факты. Консультации состоялись, но факты предоставлены не были. На озабоченности, которые у нас сформировались в течение последних лет по поводу того, что американцы нарушают этот договор, ответа также не последовало. Однако утечка, что Б.Обама написал тревожное письмо В.В.Путину, была дана незамедлительно. Я не могу понять, для чего это делается. Нам необходимо наших американских партнеров постоянно удерживать в рамках, если не международного права, то дипломатических приличий. Это не просто. Никто не жалуется, это просто

объективная вещь. У них выработалась такая психология и менталитет: когда принимается какое-то решение, оно провозглашается под овации либо Конгресса, либо на какой-нибудь площади в стране-союзнице США, а потом предъявляется всему миру как истина в последней инстанции. Но это пройдет, для этого требуется время. Американцы понимают, что в одиночку они мало что могут сделать. Даже когда они собирают коалицию и работают не в одиночку, но исключительно по своим схемам, получают «ираки», «афганистаны», «ливии» и т.д.

Период, наступивший в наших отношениях, будет длительным не только потому, что урегулирование украинского кризиса займет какое-то время, и всем придется думать над объединением усилий в конструктивном русле, а не над односторонними санкциями. Он будет длительным еще и потому, что общая переоценка американцами своего места в мире, проблема осознания ими произошедшего за последние десятилетия, безальтернативности дальнейшего укрепления тенденции к полицентричности и укреплению новых центров экономической, финансовой мощи и политического влияния займет какое-то время. Но эти процессы идут. Они уже наблюдаются в рамках «двадцатки», ШОС, БРИКС, в Латинской Америке, где впервые за всю историю создано объединение латиноамериканских и карибских государств – стран западного полушария без США и Канады. Впервые все латиноамериканские и карибские страны собраны в одной организации без «присмотра» американцев и канадцев. Африканский Союз также начинает обретать уверенность, создает Постоянный комитет мира и безопасности, создает свои миротворческие силы, чему мы в значительной степени помогаем, обучая африканских миротворцев, оснащая их необходимым оборудованием.

Процесс будет длительным, но другого пути, кроме как настойчиво разъяснять утопичность расчетов на возвращение к однополярному миру, я не вижу. Я думаю, что все будут этим заниматься и находить в себе смелость (особенно крупные европейские страны) говорить американцам, пусть не прилюдно, но хотя бы наедине, те же самые, пусть неприятные для них, но неизбежные вещи. Тогда мы сможем этот процесс немного ускорить.

Вопрос: Как Вы оцениваете прошедший недавно саммит прикаспийских государств? Как повлияют принятые на нем решения на расстановку сил на мировой арене?

С.В.Лавров: Ответ на предыдущий вопрос я закончил перечислением тенденций к укреплению регионального сотрудничества в разных частях мира. Каспий – один из регионов, который уже давно привлекает к себе большое внимание в силу своего стратегического значения, географического положения, транзитных коридоров и энергоресурсов. Принципиальное значение Астраханского саммита каспийской «пятерки», состоявшегося 29 сентября, заключается в том, что президенты приняли очень важную декларацию, в которой закреплены основополагающие принципы

определения правового статуса Каспия и которые лягут в основу Конвенции о правовом статусе, намеченную к подписанию на следующем саммите. Подписанная декларация будет активно использоваться для насыщения Конвенции конкретными договоренностями и статьями. Главный из одобренных принципов заключается в том, что определять все направления сотрудничества в этом регионе будут пять каспийских стран. Прежде всего, это касается обеспечения безопасности. На Каспии не будет вооруженных сил третьих стран, не будут ходить суда под флагами некаспийских государств. Вышеупомянутые государства также согласовали важный вопрос, касающийся ширины национальных зон, включая рыболовную и зону под суверенитетом. Это прорывное решение и один из ключевых вопросов, который должен быть отражен в Конвенции о правовом статусе Каспия. Теперь работа над ней значительно ускорится.

Неурегулированными остаются еще несколько вопроса, в том числе один достаточно острый – о строительстве транскаспийских трубопроводов. Мы исходим из того, что решение о том, как, на каких условиях и в каком порядке прокладывать транскаспийские трубопроводы (раз уж есть договоренность, что все вопросы решаются пятью каспийскими государствами без вмешательства извне), будет принято пятью каспийскими государствами. В первую очередь, надо обеспечить экологическую безопасность. Есть конвенция об экологической безопасности на Каспии, принят документ о сохранении биоресурсов этого водного бассейна. Это очень хрупкая окружающая среда - ее экосистема должна быть максимально защищена. Для этого, по нашему убеждению, требуется договоренность с участием всех прикаспийских государств.

Я говорю об этом, потому что в вопросе о прокладке трубопроводов проявляются попытки навязывать каспийским государствам решения извне. Основными «толкачами» этих идей по трубопроводам являются еврочиновники. Еврокомиссия видит в этом свои геополитические задачи. Считаем, что это неправильно, и будем отстаивать свою точку зрения.

Вопрос: В последнее время на Украине мы наблюдали открытую ненависть одной части населения к другой, прошло шествие националистов под ксенофобскими лозунгами. Создается впечатление, что никто и ничто этому не препятствует. Есть ли возможность в рамках международного права привлечь к ответственности те субъекты международного права, которые должны реагировать на подобные явления? В противном случае создается впечатление, что Европа забыла про итоги Второй мировой войны. Нельзя ли использовать ситуацию на Украине для активизации и консолидации антифашистских сил?

С.В.Лавров: Я с Вами полностью согласен. Считаю происходящее на Украине очень опасным. При полном попустительстве властей молодчики маршируют под неонацистскими и просто нацистскими лозунгами и знаменами и продвигают идеологию, которая на Нюрнбергском трибунале

была признана преступной. Чего стоит история с объявлением 14 октября (дата создания ОУН-УПА) днем защитника отечества! Мы не собираемся просто отделываться выражением озабоченности. Уже много месяцев мы привлекаем к этой ситуации внимание ООН, ОБСЕ и Совета Европы. Все эти организации были основаны после того, как была одержана победа над фашизмом во Второй мировой войне. ООН вообще записала в своих уставных документах, что ее главной задачей является не допустить новой трагедии наподобие Второй мировой войны.

Мы публикуем материалы, в частности, «Белую книгу», в которой освещаются эти факты. Работаем не только с международными, межправительственными, но и с общественными организациями, многие из которых, прежде всего, в Европе активно откликаются и проводят свои акции в европейских странах. Работали мы с Всемирным еврейским конгрессом, Европейским еврейским конгрессом, общественными организациями в Израиле. Они высказывают свои озабоченности, но, по моему глубокому убеждению, должны делать это гораздо громче и настойчивей. Общественные организации российских евреев должны в этом играть ведущую роль.

Что касается наших дальнейших шагов, то мы будем привлекать внимание к неприемлемости подобного попустительству со стороны местных властей. Эти шествия проходили с целью навязать эту идеологию всей Украине. Раньше подобного рода выходы предпринимались только в западных областях, да и то не во всех. Сейчас намеренно проводились шествия в Харькове, Одессе, и нигде не было встречено какого-либо сопротивления. В ОБСЕ начат процесс под названием «Хельсинки плюс 40», который должен в будущем году увенчаться принятием некой декларации, посвященной сорокалетию Хельсинского заключительного акта. С тех пор в ОБСЕ было принято немало документов, которые осуждают и призывают поставить вне закона любые формы ксенофобии и расовой дискриминации, к которым, конечно же, относится и неонацизм.

В начале декабря с.г. в Базеле (Швейцария) пройдет ежегодное заседание Совета министров иностранных дел – ключевое событие ОБСЕ. В рамках подготовки к этому мероприятию мы хотим официально спросить у всех наших партнеров, что они думают по этому поводу и предложить им проект соответствующего документа, который будет излагать отношение ОБСЕ к возрождению неонацизма Украине. Подобное также происходит во многих других странах Европы, но там это выглядит не столь беспардонно и нагло. Отношение стран к поставленному таким образом вопросу будет для нас критерием верности каждого государства идеалам Устава ООН и ОБСЕ.

Хотел бы отметить большую роль Федерального Собрания Российской Федерации в борьбе с этим явлением. Я знаю, какую большую работу проводят наши парламентарии путем принятия обращений к мировой общественности, парламентам и международным парламентским структурам,

а также в ходе работы на различных площадках парламентских ассамблей Совета Европы и ОБСЕ. Я знаю, что в Парламентской Ассамблее уже сожалеют о принятом решении, но как бы продолжают делать вид, что их дело правое. Тем не менее, у российской делегации в ее нынешнем статусе есть каналы работы на этом очень важном направлении.

Вопрос: Украина наряду с Россией является гарантом урегулирования Приднестровского процесса, но при этом умудрилась не только не помочь решению конфликта вокруг непризнанной Приднестровской Молдавской Республики, но и создать у себя на территории две непризнанные республики. Будет ли пересмотрен статус Украины в рамках переговорного процесса «5+2»? Каковы в целом перспективы урегулирования? Возможна ли экономическая интеграция Приднестровья в Таможенный союз, ЕАЭС?

С.В.Лавров: Статус Украины в рамках процесса «5+2» определён в коллективном формате в документах, положивших начало этому процессу. Пять – это Россия, Украина как гаранты и посредники процесса, ОБСЕ как посредник в мирном процессе, США и Евросоюз как наблюдатели. Два – это Молдавия и Приднестровье. У Украины и России наиболее высокий статус в этой пятёрке, который накладывает особую ответственность, предполагающую, прежде всего, необходимость следовать принципам, на которых процесс был начат, и не пытаться занимать чью-либо сторону.

Россия с особой ответственностью подходит к своим обязанностям. Мы никогда не делаем ничего, что могло бы толковаться как предвзятость в пользу одной или другой стороны. На деле происходит всё наоборот. Наши партнёры, в том числе украинские, пытаются пересмотреть базовые принципы приднестровского урегулирования в пользу кишинёвских властей, которые на нынешнем этапе явно пытаются двигаться в недемократическом направлении. Чего стоит недавно вынесенное решение конституционного суда Молдавии о том, что любые политические партии, целью которых не является интеграция в Евросоюз, антиконституционны! Я опешил, когда прочёл эту новость. Сейчас мы занимаемся выяснением обстоятельств этого вопиющего решения, если оно действительно такое, как об этом сообщили СМИ.

Принципы, лежащие в основе процесса «5+2» и отстаиваемые Россией, заключаются в том, что нужно искать особый статус Приднестровья в рамках уважения территориальной целостности Молдавии, которая должна оставаться суверенным государством, имеющим военно-политический нейтралитет. Сейчас же дело пытаются представить другим образом. Во-первых, военно-политический нейтралитет – дело преходящее, ведь конституцию можно и поменять. Во-вторых, возникает много вопросов вокруг сохранения суверенитета и независимости Молдавии, учитывая не только заявления руководства Румынии о том, что воссоединение Молдавии со своей «исторической родиной» – вопрос времени, но и позицию некоторых молдавских руководителей, говорящих примерно о том же.

Кстати, в конституционном суде Молдавии из семи членов шестеро – граждане Румынии. Именно они приняли решение, что любая партия, не записавшая конечной целью своего устава вступление в Евросоюз, является антиконституционной. Когда начинался процесс «5+2», одним из ключевых моментов было условие, что, если Молдавия теряет свой суверенитет и поглощается другой страной, или меняет свой военно-политический статус с нейтрального на блоковый, то приднестровцы имеют полное право принять решение о своём будущем самостоятельно. Мы будем отстаивать эту базовую позицию, с которой всё началось, и с которой все согласились.

Что касается перспектив экономического развития Приднестровья и его сотрудничества с Россией, Таможенным союзом, создаваемым Евразийским экономическим союзом, мы будем это только приветствовать. Надеемся, что молдавские власти не будут чинить препятствия свободным внешнеэкономическим связям Тирасполя. Понятно, что в нынешнем статусе Приднестровье не может вступить в Таможенный союз и ЕАЭС, но в соответствии с Меморандумом от 1997 г. о свободе внешнеэкономической деятельности Приднестровья имеет право на беспрепятственные торговые и инвестиционные связи с Россией, Европой и любым партнёром за границей, в том числе со странами-участницами Таможенного или Европейского союзов. Сейчас эти связи затрудняются, что противоречит Меморандуму.

В ходе сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке я встречался с Министром иностранных дел Молдавии Н.М.Герман и в очередной раз подтвердил нашу озабоченность таким положением вещей. Те же сигналы мы посылаем и Украине – одному из гарантов приднестровского урегулирования, которая в этом статусе обязана следить, чтобы подписанные ранее документы соблюдались. Будем отстаивать эту позицию. Надеюсь, что Евросоюз осознает пагубность повторения сценария, который произошёл на Украине, потому что такие же планы вынашиваются в отношении Молдавии и Приднестровья – подписано Соглашение об ассоциации, вынудившее Россию перейти в торговле с Молдавией с льготного на стандартный режим стран-членов ВТО по целому ряду товарных позиций, что не отвечает нашим интересам.

В Молдавии предстоят выборы. Если я не ошибаюсь, порядка миллиона мигрантов из Молдавии, работающих в России, хотят в них участвовать. Мы готовы организовать всё необходимое, чтобы это голосование состоялось, но пока не видим особого энтузиазма со стороны Кишинёва. Видимо, они не хотят, чтобы эти голоса прозвучали в поддержку более взвешенной позиции, нежели безоглядное устремление на Запад и разрыв всех связей с Востоком. Возникает много вопросов.

Мы бы очень хотели привлечь к конструктивной работе США, являющиеся наблюдателями. Более того, они узурпировали пост представителя ОБСЕ по Приднестровскому урегулированию и сами себе его передают – один американец уходит, другой приходит. В последний раз, когда происходило

переназначение, мы попытались изменить эту традицию. Неправильно, когда одна страна на веки вечные «подбирает под себя» какой-то процесс урегулирования. Но других желающих не нашлось, видимо, была проведена работа, и сейчас представителем ОБСЕ по Приднестровскому конфликту по-прежнему является американец. Недавно он сделал первый доклад Постоянному совету ОБСЕ, но этот документ, мягко говоря, не вполне объективный. Учитывая интерес американцев к Приднестровью, в ходе одной из встреч с Госсекретарём США Дж.Керри в марте-апреле с.г. я предложил ему рассмотреть возможность совместного заявления, которое излагало бы подходы России и США к ближайшим задачам по восстановлению процесса приднестровского урегулирования. Документ не сложный, на полутора страницах. Потом я ему три раза напоминал, что мы так и не получили реакции. Но до сих пор американцы молчат в ответ на наше предложение. Это к вопросу о том, кто готов к сотрудничеству, кто является «мистером нет», а кто – «мистером да».

Вопрос: Вы упомянули о референдуме в Крыму, ставшем реакцией на неконституционные изменения, произошедшие на Украине в связи с государственным переворотом. Каковы, на Ваш взгляд, перспективы международного признания статуса Крыма и итогов абсолютно легитимного референдума, проведённого крымчанами в соответствии со своей конституцией в период, когда легитимная власть на Украине была утрачена?

С.В.Лавров: Как Вы понимаете, это не зависит от России. Мы откликнулись, прежде всего, потому что это волеизъявление было свободным, и права крымчан находились под реальной угрозой со стороны экстремистских элементов, пришедших к власти в Киеве. Заверяю вас, что тогда мы меньше всего думали о том, как будет обстоять дело с признанием или непризнанием этого акта зарубежными странами. Мы сделали то, что хотел крымский народ. Думаю, что эта правда очевидна подавляющему большинству нормальных политиков, включая западных. Как это часто бывает, они сделали заявления, от которых им потом трудно отказываться. Сейчас они по инерции под воздействием некоторых стран Евросоюза и НАТО повторяют из одного документа в другой, что «произошла аннексия» и т.д. Когда с ними разговариваешь и приводишь факты, они особо не пользуются аргументами, а просто повторяют то, что записано как лозунг. А мы хотим выводить их на разговор с участием крымчан, чтобы и представители полуострова, как это уже неоднократно делалось, объясняли свою правду – правду людей, живущих на этой земле, а не тех, кто наблюдает издали, тем более из-за океана. Будем всячески способствовать, чтобы нашим гражданам в Крыму, включая руководство Республики Крым и Севастополя как можно чаще предоставлялась возможность доносить эту правду до зарубежной аудитории. В Крым уже ездят люди, в том числе приезжали известные европейские политики - это большой шаг для того, чтобы правда начинала пробивать себе дорогу. Будем делать всё, чтобы таких возможностей было как можно больше.

Вопрос: 17 октября в Милане прошли российско-украинские переговоры. О чём договорились? Возможны ли такие договорённости с Киевом, которые будут однозначно интерпретироваться и выполняться украинской стороной? Насколько нынешняя украинская власть является договороспособным партнёром, который может не только договариваться, но и реализовывать достигнутые договорённости?

С.В.Лавров: Ответ на последнюю часть вопроса находится в стадии формирования, потому что единственными договорённостями, которые начали выполняться, были Минские. До этого было апрельское заявление России, Украины и США (я уже ссылался на него) о немедленном начале национального диалога с участием всех регионов и политических сил с целью конституционной реформы - это обязательство украинских властей, которое не было выполнено, и даже усилий для этого не предпринималось.

Правда, в июне, накануне подписания соглашения с Евросоюзом, избранный президент Украины П.А.Порошенко провёл пару-тройку круглых столов в отдельных регионах страны, но состав их участников не отвечал критерию «все регионы и все политические силы». Участники этих встреч были подобраны специфическим образом.

Так что, первый опыт реализации на практике договорённостей между украинским руководством и ополчением – это Минский протокол. В Милане Президент России В.В.Путин сказал, что с обеих сторон есть сбои, объяснил, как непросто восстанавливать линии разграничения. По просьбе украинских руководителей мы направили туда группу офицеров Генерального штаба Российской Федерации, которые помогали и готовы дальше помогать противоборствующим сторонам согласовать линию разграничения, которая будет уважаться, согласовать принципы отвода вооружений (для разного калибра предусмотрены разные расстояния). Вроде бы всё это было обговорено, но потом возникли уточнения. Рассчитываю, что в самые ближайшие дни недоразумения будут сняты, и разночтения преодолены, и тогда пойдёт речь о выполнении этих договорённостей.

Важное значение имеет контроль за тем, чтобы никто не нарушал договорённости. Как предусмотрено Минским протоколом, все выступают за то, чтобы роль контролёра выполняла специальная мониторинговая миссия ОБСЕ, которая попросила для этих целей дополнительное оборудование, защищённые транспортные средства и беспилотники. Мы готовы в этом помогать. В Милане, где подробно обсуждался этот вопрос, мы сообщили, что готовы внести свой вклад в оснащение этой миссии, в том числе транспортными средствами, и предоставить беспилотники с расчетами, которые будут их обслуживать. Аналогичное предложение сделали Франция, Германия и Италия. По договорённости участников миланских переговоров, на этой неделе военные представители стран, которые сделали такие предложения, должны оперативно собраться в Вене и вместе с секретариатом и председателем ОБСЕ согласовать принципы работы этих беспилотников.

Конечно, это необходимо делать через консультации и по согласованию с представителями Луганска и Донецка, потому что речь идёт о контроле за соблюдением прекращения огня и статуса полосы разграничения сторон между киевскими силовиками и ополчением. Именно эту зону должны контролировать беспилотники, а принципы их работы – согласованы с противоборствующими сторонами. А мы вместе со странами, предложившими свои беспилотные аппараты, будем готовы согласовать технические детали.

Я ознакомился с заявлением Киева по итогам миланских встреч о том, что есть договорённость о восстановлении контроля на всём протяжении российско-украинской границы. Было заявлено даже более конкретно, что в ближайшие дни все КПП будут возвращены украинским пограничникам и таможенникам. Это неправда. Во-первых, для того, чтобы все КПП вернулись под контроль украинской стороны, а там появились украинские власти, необходимо разговаривать с ополченцами, контролирующими эти посты. Во-вторых, прекращение огня зафиксировало «статус-кво», и речи о том, чтобы его менять, в Милане никто не заводил. Говорили о том, что линию разграничения нужно надёжно обеспечить и контролировать. В-третьих, Президент России В.В.Путин в очередной раз сказал, что в части, касающейся границы с Украиной с российской стороны, мы несём всю ответственность за обеспечение безопасности и режима, установленного в пограничной зоне. Что касается другой стороны границы, то её контролируют ополченцы в той части, о которой идёт речь, и разговаривать нужно с ними, а не с Российской Федерацией.

Я согласен с Вами в том, что не очень добросовестная интерпретация всех этих договорённостей или содержания переговоров делу не помогает, а создаёт в украинском обществе (возможно, чрезмерно разогретом накануне выборов) некие ощущения, что что-то произошло: изменилась позиция России или можно пересмотреть и отказаться от фиксирования «статуса-кво». Это проявилось и в комментариях по газовой проблеме. Я слышал, что якобы согласована «зимняя» цена в 385 дол. за 1 кубический метр газа и «летняя» – в 325 дол. Я не знаю, откуда взялись эти цифры. Речь шла не о «летних» и «зимних» ценах, а о ближайших пяти месяцах. Да, это зимний период, но никто не употреблял в официальных переговорах в юридическом плане «зимний период», что предполагало бы, что будет летний и какая-то другая цена. Ничего за пределами пяти месяцев не предрешиено. До конца марта согласована цена и то, что Украина сможет покупать столько газа, сколько ей будет нужно. Насколько я понимаю, «Газпром» будет готов пойти на гибкие условия в этой связи.

Единственный вопрос, который не был согласован, как сказал В.В.Путин, это то, что Украине не хватает средств, и на полтора-два месяца у «Нафтогаза Украины» возникает кассовый разрыв в размере 1,5 млрд. дол. или евро – российский представитель называл точную цифру. Наши западные партнёры попытались уговорить нас и это взять на себя. Но вы слышали, что ответил

Президент России. Думаю, что Еврокомиссии, Германии или Франции вполне по силам на полтора месяца одолжить 1,5 млрд. евро, точно зная, что эти деньги вернутся. Если бы они это сделали в Милане, мы бы уже подписали документ. Так что, ожидания по газу не состоялись по этой причине.

Меня удивило то, что заявил потом Министр энергетики и угольной промышленности Украины Ю.В.Продан. Отвечая на вопрос о том, как прошли переговоры по газу, он заявил, что Украина движется к победе. Если это опять рассматривать в военных категориях, то Бог ему судья. Но, мне кажется, то, о чём говорили, - это нормальный партнёрский компромисс, который учитывает интересы и России, и Украины. Мы стараемся искать развязку в этих категориях.

Вопрос: В случае реализации санкций Запада относительно арктических проектов существует ли у Правительства и МИД России альтернативные варианты защиты продвижения наших национальных интересов?

С.В.Лавров: Ни одна сфера международной деятельности не имеет иммунитета от односторонних действий и вообще влияния событий, происходящих вне этой сферы или соответствующего региона. Тем не менее, как мне кажется, арктическое сотрудничество обладает достаточной устойчивостью. Мы периодически слышим, и слышали задолго до украинских событий разговоры о том, что НАТО хочет повысить свой профиль в этом регионе, они продолжают это заявлять. В натовских доктринах и анализе периодически присутствует тема, что в Арктике военный фактор будет возрастать в контексте обострения борьбы за ресурсы. Мы твёрдо исходим из того, что в Арктике нет никаких проблем, которые требуют участия НАТО и вообще военных решений. Арктика – территория диалога, мы используем именно этот лозунг для регулярно проводимых в Российской Федерации форумов. По большому счёту, работа Арктического совета выстраивается именно в этом ключе. Наверное, есть объективное понимание всеми арктическими странами, что мы взаимозависимы, что перед нами стоят общие задачи и вызовы – экология, необходимость обеспечивать безопасность транспортных маршрутов, Северного морского пути, Северо-Западного прохода, который существует в Западном полушарии. Здесь очень важен обмен опытом. У нас есть общая заинтересованность в том, чтобы сотрудничать в защите наших заявок в Комиссию по определению границ континентального шельфа, где мы достаточно успешно и результативно взаимодействуем с некоторыми из наших арктических соседей. У нас накапливается очень позитивный опыт в Арктическом совете. Уже есть первое Межправительственное соглашение обязывающего характера, например, в сфере экологии. Сейчас готовится соглашение о предотвращении загрязнений нефтью морской среды Арктики. Готовится соглашение об укреплении международного научного сотрудничества в Арктике. Этим вопросам посвящена работа целого ряда целевых групп Арктического совета. Кстати, в сентябре заработал Арктический экономический совет при

основном Арктическом совете. Я не вижу каких-либо серьёзных признаков изменения прагматичной позиции членов Арктического совета. Мы будем отстаивать нашу позицию на основе уже имеющихся договорённостей, добиваться активного учёта интересов и прав коренных народов Севера, которые участвуют в каждой сессии Арктического совета в специальном статусе. И, конечно, будем обустривать арктический регион Российской Федерации в соответствии с принятыми решениями, касающимися экологии, обеспечения безопасности мореплавания и безопасности государства на этом важнейшем направлении.

Вопрос: Отношения России и Индии развиваются довольно хорошо, мы поставляем индийским партнерам большое количество вооружений. Может ли Индия использовать его в борьбе с группировкой «Исламское государство»?

С.В.Лавров: Индия, как и любое государство, может использовать оружие, поставляемое из России или любой другой страны, в любых целях, которые не противоречат международному праву. Это абсолютно очевидно. Единственное ограничение, которое мы всегда указываем в наших соглашениях и контрактах, заключается в том, что конечный пользователь не должен меняться. Если вы продали оружие индийской армии, то она и должна его использовать. В случае вооруженного конфликта Индия вправе использовать это оружие, равно как и имеющееся у них в достатке французское и американское. При санкционировании международных миротворческих операций Индия вправе принять решение и распоряжаться этим оружием любым способом, не противоречащим принципам международного права в сфере торговли оружием.

Вопрос: Сейчас происходит формирование международной коалиции для противостояния ИГ, и желающие (Австралия, Канада и др.) принимают в этом участие. Очевидно, что заинтересованных стран, в число которых входит Россия, Иран, Индия, Китай и все члены ШОС, гораздо больше. Есть ли стремление со стороны наших ближайших региональных партнеров создать крупную международную коалицию, способную не под американским руководством, а самостоятельно предпринимать серьезные дипломатические, политические или военно-политические усилия?

С.В.Лавров: Дипломатические, политические и правоохранные усилия – да. Существует несколько таких структур.

Во-первых, ОДКБ, которая проводит целый ряд имеющих прямое отношение к борьбе с терроризмом операций на внешних границах Афганистана – перехват наркоточков, нелегальных мигрантов, перекрытие каналов, по которым идет финансирование терроризма.

Во-вторых, ШОС, деятельность которой тоже сконцентрирована на купировании исходящих из Афганистана угроз и уникальна тем, что в

Организацию в качестве членом или наблюдателей входят и сам Афганистан, и все без исключения его соседи. Сейчас идут процессы повышения статуса Индии и Пакистана с наблюдателей до полноправных членом ШОС. Документы, излагающие критерии такого перехода в полноправные члены Организации, были приняты на последнем саммите ШОС. Российское председательство (следующий саммит будет проходить у нас) уже приступило к консультациям о том, как конкретно рассматривать имеющиеся заявки от Индии и Пакистана о приеме их в полноправные члены Организации. ШОС предпринимает серию мер, нацеленных на стабилизацию ситуации в Афганистане и вокруг него, содействие укреплению афганского государства, налаживание регионального сотрудничества вокруг этой проблемы. Не исключаю, что подобным образом можно действовать и в других ситуациях, в том числе в отношении исходящей из Ирака и Сирии террористической угрозы.

Можно образовывать разовые коалиции. Например, когда урегулировался конфликт в Йемене, где тоже была и до сих пор сохраняется сильная террористическая угроза, тенденции к сепаратизму и многие призывают к развалу страны. Но для того, чтобы договориться о принципах урегулирования, была создана разовая коалиция – «Группа десяти», состоящая из соседних и ряда других стран, включая США, Россию, ЕС. Эта «десятка», будучи разовой коалицией, сформировав рамки урегулирования, обратилась, тем не менее, в СБ ООН. Совбез, рассмотрев ее обращение, с согласия йеменских сторон, одобрил план урегулирования. Он был реализован, хотя потом проявились сбои, и добровольно ушедший от власти президент по-прежнему сохраняет влияние.

Я говорю об организационной и политической сторонах дела. Разовая коалиция обратилась в СБ ООН, и ее предложения были одобрены. ШОС и ОДКБ – устойчивые организации, каждая из которых имеет Меморандум о сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций, то есть они тоже легитимизированы и имеют полную «свободу рук» в соответствии с Уставом ООН. В случае, когда речь идет об урегулировании конфликтов, есть глава 8 Устава ООН, поощряющая региональные организации к усилиям по урегулированию конфликтов в их соответствующих регионах. Но если речь заходит о применении военной силы за рамками дипломатических, политических и экономических действий, то никаких двусмысленностей нет – нужно просить разрешения СБ ООН. Уверен, что это абсолютно применимо и к усилиям по борьбе с ИГ.

Пока коалиция, которую сколотили США, никаким образом не хочет идти в СБ ООН. Таким образом подтверждается наша оценка в том, что она создана в нарушение принципов Устава ООН, поскольку применять силу можно только с согласия Совбеза либо по приглашению страны, на территории которой ты хочешь бомбить террористов.

Вопрос: Мы видим постепенное возвращение интересов Российской Федерации на Кубу, которая, как известно, исторически является сложной точкой геополитического напряжения. Каким может быть развитие российско-кубинских отношений, учитывая сложную экономическую обстановку в стране, а также влияние США? Является ли это раздражающим фактором в переговорах с США?

С.В.Лавров: Куба – наш давний партнер, легендарная страна, символ свободы в Латинской Америке. Даже режимы в этом регионе, которые принято считать прозападными, все без исключения выступают в поддержку Кубы. В этом проявляется осознание, что свобода – нечто большее, чем просто следование рецептам США, когда они говорят, что все, кто за демократию и свободу, должны быть с ними.

У нас действительно после распада СССР был период не охлаждения, но длительной паузы, не только в отношении Кубы, но и с другими государствами в Латинской Америке, Африке, Азии. Не только потому, что тогда в руководстве преобладали мнения в пользу ненужности многих наших партнеров в третьем мире и того, что теснейшие связи с Западом чуть ли не автоматически решат все наши проблемы, но и еще и потому, что не было средств и ресурсов. У нас было по горло своих проблем и не хватало рук и денег. Закрылся целый ряд посольств, прежде всего, в африканских странах. Но за последнее десятилетие мы вспомнили о старых друзьях (тенденция стала проявлять себя в 2000-х гг. и продолжает укрепляться). Здесь есть и очень важный моральный фактор, когда люди, которые искренне к нам тянутся, наконец почувствовали, что мы их не забыли. Для нас очень важно ощутить себя верными союзниками и друзьями в отношении тех, кто испытывает такие же чувства по отношению к нам.

Второй фактор уже не столь нравственный, но тоже важный и прагматичный – это люди, которые не просто разделяют общие с нами ценности в разговорах и в ходе личных встреч, а готовы отстаивать их на международной арене. Это проявилось в их позиции по многим острейшим вопросам мировой политики последних лет, включая голосование по Крыму на ГА ООН, когда подавляющее большинство стран Латинской Америки поддержали не западную, а нашу позицию. Это проявилось в свое время и при голосовании по резолюциям, касающимся Абхазии и Южной Осетии.

В последние годы у нас с Кубой существенно активизировались контакты на всех уровнях. Они не ограничиваются разговорами: в их ходе подписываются межправительственные и корпоративные документы. Наши компании вместе с кубинскими партнерами активно включаются в целый ряд очень серьезных, долгоиграющих, перспективных проектов. Президент России В.В.Путин посетил в этом году Кубу, до этого состоялся мой визит в эту страну. Вижу очень хорошие перспективы.

Никогда в наших контактах с американцами они не затрагивали тему Кубы. Затрагивали ее мы, и делаем это регулярно, убеждая (пока тщетно) в том, что одностороннее торговое эмбарго в отношении Гаваны абсолютно бессмысленно и наносит ущерб, прежде всего, самим США, потому что Европа и Канада активно инвестируют на Кубе. Россия интенсивно там работает, особенно в последнее время.

Показательно, что на Кубе нет никакого антиамериканизма. Это абсолютно открытая к сотрудничеству страна. У них есть своя гордость, они готовы решать вопросы, в том числе и с американцами, на основе справедливости и равноправия. Не существует никакой предвзятости с их стороны. Это очень свободолюбивый, гордый и достойный народ. То, что делает Куба для своих партнеров в Латинской Америке в сфере здравоохранения, – признается всеми, и об этом нам с восторгом говорили руководители таких стран, как Бразилия, Аргентина, Венесуэла. Кубинские врачи – бренд самого высокого качества. Кстати, на днях это вынужден был признать и Госсекретарь США Дж.Керри, когда с похвалой отозвался о решении Кубы направить десятки, а в последствии сотни специалистов для борьбы с лихорадкой Эбола в Либерию, Гвинею и Сьерра-Леоне.

Убежден, что у Кубы очень хорошие перспективы, а, соответственно, у нашего сотрудничества с этой братской страной.